

3 (423)
МАРТ
2005

США ♦ Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

•
ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1970 ГОДА
МОСКВА, "НАУКА"

•

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 **Лебедева Л.Ф.** Государственная политика социальной защиты населения в США (статья 2)
- 20 **Травкина Н.М.** Программно-политический выбор Америки
- 39 **Немова Л.А.** Роль государства в экономике Канады
- 61 **Самуйлов С.М.** Этапы политики США в отношении СНГ
- 84 **Информация**

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

- 85 **Вереникин А.О.** Человеческий капитал: концептуальные основания и особенности проявления

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

- 101 **Никитина Н.И.** Экономический рост и инфляция в условиях глобализации

А.О. ВЕРЕНИКИН*

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ

Проблемы человеческого капитала стали активно разрабатываться и выделиться в отдельное направление мировой экономической науки во второй половине XX столетия. В 1979 г. один из основателей теории человеческого капитала Т.В. Шульц стал Нобелевским лауреатом. В 1992 г. за разработку и применение микроэкономических методов для анализа поведения людей Нобелевской премии был удостоен Г.С. Беккер. Переводом на русский язык и комментарием его фундаментальных работ журнал "США – экономика, политика, идеология" дал толчок к активизации обсуждения проблем человеческого капитала¹. В развитие дискуссии по данной проблематике в этой статье мы коснемся концептуальных оснований теории человеческого капитала.

В экономической теории уже не одно столетие стоит вопрос о правомерности и целесообразности выделения, а также о содержании категории человеческого капитала². По этому поводу ещё до А. Смита³ высказывался В. Петти: "Представляется разумным, чтобы то, что мы называем богатством, имуществом или запасом страны и что является результатом прежнего или прошлого труда, не считалось бы чем-то отличным от живых действующих сил, а оценивалось бы одинаково". "Весь род людской имеет такую же стоимость, как и земля, будучи по своей природе столь же непреходящим", – пишет автор "Verbum sapienti" ("Слова мудрым"), пытаясь рассчитать совокупную стои-

* ВЕРЕНИКИН Алексей Олегович – кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Copyright © 2005.

¹ Капелюшников Р.И. Экономический подход Гэри Беккера к человеческому поведению. – "США – ЭПИ", 1993, № 11, с. 17–32; Беккер Г. Человеческий капитал (главы из книги). Там же, № 11, с. 109–119; №12, с.86–104; Стиглер Дж., Беккер Г. О вкусах не спорят. Там же, 1994, № 1, с. 104–113; № 2, с. 91–98; Беккер Г. Экономика семьи и макроповедение. Там же, 1994, № 2, с. 99–107; № 3, с. 93–98.

² Kiker В. The Historical Roots of the Concept of Human Capital. – "Journal of Political Economy", 1966, № 5, pp. 481–499.

³ А. Смит писал: "Приобретение способностей, считая также содержание их обладателя в течение его воспитания, обучения или ученичества, всегда требует дополнительных издержек, которые представляют собой основной капитал, как бы реализующийся в его личности" (Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962, с. 208)

мость населения страны⁴. Проблема, поднятая В. Петти, оказалась в высшей степени нетривиальной. Два столетия спустя Дж. Милль высказывал возражения по этому поводу:

“Некоторые авторитеты... поскольку... ценные качества и даже производительную силу человека невозможно отделить от него и передать другому лицу... отрицают за этими способностями человека право считаться богатством... Мне, однако, представляется, что мастерству... рабочего, которое составляет ценное и довольно долговечное качество... столь же неправомерно отказывать в праве называться богатством на том основании, что оно неотделимо от человека, как и угольной шахте или фабрике на том основании, что они неотделимы от своего местонахождения. К тому же, хотя само по себе мастерство невозможно продать покупателю, его применение можно продать; если его нельзя продать, его можно отдать внаем... Самого человека... я не рассматриваю как богатство. Он представляет собою цель, во имя которой существует богатство. Но его приобретённые способности, которые выступают лишь как средства и порождены трудом, с полным основанием, как я полагаю, попадают в эту категорию”⁵.

А. Маршалл подчеркивал сходство процессов инвестирования средств в человеческие и неодушевлённые вещественные активы. Тем не менее, саму категорию человеческого капитала А. Маршалл считал “нереалистичной” в силу того, что люди не являются рыночным товаром. “Личные качества и способности человека” автор называет “непередаваемыми благами”. В связи с этим вместо “человеческого капитала” он использует понятие “личного капитала”: “...мотивы, побуждающие человека накапливать личный капитал как вложения в образование его сына, схожи с теми, которым подчиняется накопление вещественного капитала для его сына”⁶.

Неудовлетворённые гибкой позицией А. Маршалла (авторитет которого лишь на время приглушил споры по поводу проблемы человеческого капитала, казалось, сняв саму необходимость её постановки), ученые продолжили полемику и в XX веке. Показательны следующие высказывания. И. Фишер убежден: «Искусство механика не является дополнительным богатством по отношению к самому человеку: “искусный механик” как таковой представляет собой богатство»⁷. И словно оппонировав И. Фишеру, Дж. Уолш изрекает: “Адвокатами не рождаются – адвокатами становятся”⁸.

Ряд экономистов, признающих капиталом не самого человека, а лишь воплощённые в нем благоприобретённые качества и способности, выступают против отнесения индивидуума, как физического существа, к его человеческому капиталу. Эта точка зрения, отчетливо выраженная Дж. Миллем⁹, состоит

⁴ Петти У. Экономические и статистические работы. М., 1940, с. 81–83.

⁵ Милль Дж. Основы политической экономии. М., 1980, т. 1, с. 139.

⁶ Маршалл А. Принципы экономической науки. М., 1993, т. 1, с. 113–116; т. 2, с. 266–267; т. 3, с. 30–34, 79.

⁷ Fisher I. The Nature of Capital and Income. New York, London, 1927, p. 9.

⁸ Walsh J. Capital Concept Applied to Man. — “Quarterly Journal of Economics”, 1935, № 2, p. 282.

⁹ Милль Дж. Ук. соч., т. 1, с. 139; Blaug M. Economics of Education: a Selected Annotated Bibliography. Oxford, 1979, p. 32.

в том, что
луги его тру
рас, В. Пар
ся сторонни
его способн

В соотв
представля
фикации Т.
владение –
том числе
ключевых п
получение
способов ис
ектами; из
употреблен
ния другим
принятие р
отчуждения
Кроме того,
стороны др
возможност
ствие гаран
те; а такж
иным члена
тельствам в

Несмотр
несомненно
тала. Как с
венностью
дения, кото
человеческ
нему основ
вано в вид
ность отчу
вомочия –
не может
силы пут
Л. Эдвинс

¹⁰ Петти
экономии. М.
1927, pp. 40
p. 488.

¹¹ Нол
pp. 161–192

¹² Мар
служило од
же, т. 24, с.

в том, что "предметом купли-продажи является не сам человек, но лишь услуги его труда". Вместе с тем другие учёные – В. Петти, Ж.-Б. Сей, Л. Вальрас, В. Парето, И. Фишер, Э. Денисон – в противоположность первым являются сторонниками рассмотрения в качестве капитала одновременно человека и его способности в силу их неразрывного единства¹⁰.

В соответствии с англосаксонской правовой традицией, собственность представляет собой конгломерат из прав и обязанностей. В известной классификации Т. Оноре ключевыми правомочиями объекта собственности являются: владение – право окончательного решения судьбы объекта собственности, в том числе по поводу реализации владельцем либо передачи другим лицам ключевых правомочий; пользование – потребление в интересах собственника, получение личной, неявной выгоды; распоряжение – выбор альтернативных способов использования данного объекта различными хозяйствующими субъектами; извлечение явного дохода – вознаграждение за отказ от личного употребления вещи и за результаты, полученные в результате её употребления другими лицами, в том числе за созданную с её помощью продукцию; принятие решений о капитальной стоимости с точки зрения возможности её отчуждения, сбережения (либо отказа от такового), потребления, уничтожения. Кроме того, в данной классификации предполагается гарантия безопасности со стороны других лиц и консенсусный характер передачи прав собственности; возможность передачи объекта собственности наследникам владельца; отсутствие ограничений по поводу существующих правомочий во временном аспекте; а также обязанность по предотвращению использования вещи во вред иным членам общества и ответственность за объект собственности по обязательствам владельца перед другими лицами¹¹.

Несмотря на различия современных взглядов на человеческий капитал, несомненно, существует неразделимое единство человека-носителя и его капитала. Как справедливо пишет Т. Оноре, "свободный человек не является собственностью для себя самого, иначе он должен был бы обладать правом отчуждения, которое неприменимо к свободной человеческой личности". Особенность человеческого капитала заключается прежде всего в том, что применительно к нему основополагающее право владения в принципе не может быть реализовано в виде меновой стоимости. У его владельца также отсутствует возможность отчуждения, наряду с правом владения, другого фундаментального правомочия – права на капитальную стоимость. Как говорит К. Маркс, "рабочий... не может обратить в звонкую монету капитальную стоимость своей рабочей силы путем её передачи другому"¹². Кроме того, как справедливо отмечают Л. Эдвинссон и М. Мэлоун, коллективный человеческий капитал, в отличие от

¹⁰ Петти У. Ук. соч., М., 1940, с. 81–83; Сей Ж.-Б. Трактат по политической экономии. М., 2000, с. 59; Pareto V. Manuel d'Economie Politique. 2-ème ed. Paris, 1927, pp. 406–408, 437; Fisher I. Op. cit., pp. 5–21, 169–170; Kiker B. Op. cit., p. 488.

¹¹ Honore T. Making Law Bind: Essays Legal and Philosophical. Oxford, 1987, pp. 161–192.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955–1981, т. 25, ч. 2, с. 8. Это служило одним из оснований считать рабочую силу "товаром, а не капиталом" (Там же, т. 24, с. 428).

структурного – второй составляющей интеллектуального капитала фирмы – не является её собственностью, а значит, так же, как и индивидуальный человеческий капитал, не может быть объектом купли-продажи¹³.

Одновременно невозможно вычлнить в отдельное полноценное правомочие ответственность по обязательствам человеческого капитала, ведь обеспечением последней не может служить его капитальная стоимость: нельзя отчуждать человеческий капитал в счёт уплаты задолженности и закладывать его в заемных целях. В информационную эпоху становится затруднительной реализация и других прав собственности, в частности, наследования и завещания, а также гарантий безопасности со стороны других лиц. Во-первых, возникают проблемы с передачей по наследству конкретным физическим и юридическим лицам, с одной стороны, личных, во многом неявных знаний и навыков человека, а с другой – информации в области фундаментальной науки, имеющей общецивилизационную ценность и полученной с использованием теоретических знаний аналогичного свойства. Во-вторых, в силу объективных обстоятельств связанных с ней технологий и инфраструктуры, ограничение доступа других лиц зачастую сопряжено со значительными сложностями.

Кроме того, в принципе отсутствует возможность реализации в товарно-денежных отношениях капитала здоровья человека. ещё один капитальный актив личности – уровень её образовательного потенциала – по справедливому замечанию Т. Шульца, также “становится неотъемлемой частью индивидуума и поэтому не может быть куплен или продан, и не может рассматриваться в качестве собственности при существующих социальных институтах”¹⁴. Отторжимыми от человеческого капитала являются только права на управление, пользование, а также частично – на доход и наследование исключаемых компонент интеллектуальной собственности. В связи с этим, объектом рыночной сделки может быть только товар – рабочая сила, а не весь человеческий капитал.

В каждом отношении собственности помимо совокупности правомочий, по классификации Оноре, существует некая интегрирующая, синергетическая составляющая, которая формирует её как единое целое, ядро. Входящие в него права собственности взаимно дополняют друг друга и не могут быть произвольно исключены из данного кластера¹⁵. Синергетическое ядро человеческих капитальных правомочий формируют: право владения, право на капитальную стоимость, на безопасность, отсутствие ограничений во временном аспекте, ответственность по обязательствам и обязанность недопущения вреда по отношению к другим членам общества, право на передачу неисключаемых компонент интеллектуальной собственности, умений, навыков и других нематериальных потенциалов наследникам данного индивидуума и в урезанном виде

¹³ Новая постиндустриальная волна на Западе. Под ред. В.Л. Иноземцева М., 1999.

¹⁴ Schultz T. Investment in Human Capital: the Role of Education and of Research. New York, London, 1971, p. 78.

¹⁵ Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М., 2002, с. 136.

право на доход, а значимости, по сравнению с материальными активами.

Особенность человеческого капитала – концентрация всегда в руках его носителя, что делает его составляющей всеобщей формирующей потенциалы владения прав собственности данной человеческой единицы в действительности – это прежде всего человеческая жизнь, которая генерирует синергетический масштаб восприятия, так и экономический.

В соответствии с этим, вложения в знания и навыки – это сродни инвестициям в человеческий капитал. В связи с этим, человеческий капитал складывается из совокупности квалификации и опыта, вложенный капитал, в частности, Р. Кампбелл, в качестве человеческого капитала рассматривает образование, индивидуальную соответствующую норму отдачи, если ставится целью, даваемая норма отдачи, плено, если ставится целью.

Действительно, человеческий капитал – это совокупность человеческого пользования, которое предполагает, что стоимость дохода

¹⁶ Сам термин “человеческий капитал” был введен в научный оборот в 1960-е годы. Сам термин “человеческий капитал” был введен в научный оборот в 1960-е годы. Сам термин “человеческий капитал” был введен в научный оборот в 1960-е годы.

¹⁷ Ковыженко В.И. Человеческий капитал в условиях рыночной экономики. М., 1998.

¹⁸ Campbell R. Human Capital and the American Dream. New York, 1964.

право на доход, а также остаточные правомочия, имеющие меньший порядок значимости, по сравнению с основными, перечисленными выше.

Особенность человеческого капитала заключается не просто в отсутствии набора специфицированных капитальных правомочий. "Критическая" их концентрация всегда сосредоточена у индивидуума. Нерасторжимость этого ядра и его носителя гарантирует, что неликвидная и неделимая синергетическая составляющая всегда остается у самого субъекта человеческого капитала, формируя потенциал его развития, личность и судьбу¹⁶. Помимо этого, размытие прав собственности на человеческий капитал дает выигрыш контрагентам данной человеческой личности, поскольку они получают нечто, не учитываемое в действующей системе ценообразования, не включенное в существующую структуру издержек и выгод. В силу того, что система ценообразования – это прежде всего общественный феномен, в конечном счете именно человеческая жизнедеятельность во взаимодействии с природными факторами генерирует синергетические эффекты и формирует возрастающую отдачу от масштаба воспроизводственной функции как отдельных экономических агентов, так и экономики в целом.

В соответствии со ставшей теперь общепризнанной точкой зрения, вложения в знания и навыки данного индивидуума как его человеческий капитал сродни инвестициям в основные фонды. Подобно им капиталовложения в квалифицированную рабочую силу приносят отсроченную во времени отдачу. В связи с этим считается, что стоимостная оценка человеческого капитала складывается из цены рабочей силы, капитальных затрат на приобретение квалификации и других компонент человеческого капитала, а также процента на вложенный капитал¹⁷. Последняя компонента, по мнению многих авторов, в частности, Р. Кэмпбелла и Б. Сигела, является неотъемлемой частью стоимости человеческого капитала, поскольку, "согласно обычной теории инвестирования, индивидуум должен сравнить ожидаемую норму отдачи с некоторой соответствующей процентной ставкой. Образование будет куплено, если ожидаемая норма отдачи превосходит ставку процента. Образование не будет куплено, если ставка процента превышает норму отдачи"¹⁸.

Действительно, индивидуум или коллектив как носитель производственного человеческого капитала выступает в качестве владельца актива длительного пользования наряду с собственниками других ресурсов, функционирующих в многократных воспроизводственных циклах. В рамках данного подхода предполагается, что человеческий капитал максимизирует дисконтированную стоимость доходов за вычетом издержек. Однако, применение межвременных

¹⁶ Сам термин "индивидуум" (*individuum*) в переводе с латинского означает неделимую цельность человеческой личности. Однако, используя этот термин, Ф. Найт специально берет его в кавычки, чтобы подчеркнуть, что данная категория является во многом производной от структуры социальных отношений и институтов, в которую интегрированы индивидуумы (Knight F., Merriam T. *The Economic Order and Religion*. London, 1947, p. 73).

¹⁷ Ковыженко В. Квалифицированная рабочая сила: стоимость, цена, место в капиталистическом производстве. – "МЭиМО", 1966, № 4, с. 99–101.

¹⁸ Campbell R., Siegel B. *The Demand for Higher Education in the United States, 1919–1964*. – "American Economic Review", 1967, No. 3, p. 483.

задач максимизации прибыли в моделировании процессов воспроизводства человеческого капитала сопряжено с теоретическими и методологическими проблемами.

Дж. Уолш подчеркивает, что “в определённой мере процессы образования не подвержены целеполаганию, ориентирующемуся на максимизацию прибыли”. “Намерения родителей и государства состоят, скорее, во всемерном поощрении гражданского просвещения”, – пишет автор. Важная специфическая особенность здесь заключается в том, что инвесторами являются родители. По меткому выражению Дж. Уолша, “данный рынок (если его можно назвать таковым) согревается теплым светом сентиментальности, который растапливает стремления к прибыли и не дает жажде наживы определять характер принимаемых экономических решений”. Цели учащегося молодого гражданина также в значительной мере несводимы к достижению финансовой выгоды от затрачиваемых сил, времени и средств. Скорее не исключением, но правилом является стремление быть полезным людям, служить общественному благу. Все это обуславливает принципиально иную мотивацию инвестиций в человеческий капитал, по сравнению со стандартными видами капиталовложений.

Т. Шульц высказывает критические замечания по поводу устоявшегося в теории человеческого капитала подхода к оценке эффективности вложений в него, который основан на сопоставлении нормы отдачи от инвестиций в основные фонды, а также денежные активы – и затрат на обучение в зависимости от его продолжительности, хотя данная методика стала традиционной при обосновании благих намерений: необходимости и величины перераспределения средств в сферу образования. Автор указывает на очевидные просчёты, возникающие как при определении затрат и отдачи от вложений времени, материальных и денежных ресурсов для подготовки квалифицированной рабочей силы, так и при оценке народнохозяйственного эффекта от перераспределения средств на эти цели. Тем не менее, при анализе ценности инвестиций в человеческий капитал Т. Шульц отдаёт предпочтение по существу эквивалентному методу чистой приведённой стоимости затрат на создание и развитие как индивидуальных, так и общественно значимых потенциалов, в рамках которых дисконтирующий множитель, обратный величине ставки процента, представляет собой цену этих инвестиций и в более широком смысле – цену экономического роста вообще.

Несмотря на широкое использование в экономической теории методик межвременного сопоставления доходов и расходов, призванных выявлять сроки и нормы окупаемости инвестиций, с нашей точки зрения, неоклассическая традиция определения ценности человеческого капитала как через внутренний уровень доходности, так и на основе дисконтированной суммы приносимых им доходов (которая тесно связана с первым подходом) противоречит сущности человеческого капитала, не имеющего денежной оценки, меновой стоимости в силу неотчуждаемости совокупности его капитальных правомочий. В силу того, что рыночные начала не могут в полной мере обеспечить воспроизводство человеческого капитала, издержки, а зачастую, и отдача от его функционирования не имеют интегральной ценовой характеристики, денежная оценка ак-

тивов чело-
димыми за-

Менова
зуюется фак-
нежных ва-
сумма не
жизни. Её
образом, о-
функциона-
ной качес-
тала стра-
единой оц-
может дать
ческих кап-
воплощен-
ны для бл-
гообразны-
альные –
ности не та-
же не под-
Итак, цен-
меновой ст-

Стоим-
делена дав-
целом. Ры-
ляется цен-
ности чело-
собственн-
отношений.

Выше о-
человечес-
вестиций
суть на чело-
как самов-
теоретичес-
лизацией
ный источ-
эффекты
не получа-
В частнос-
возникают
тельные ра-
Эти выго-
ценообраз-
ми хозяйс-
потреблен-

тивов человеческого капитала, как правило, расходится с общественно необходимыми затратами на его воспроизводство и с его социальной ценностью.

Меновая стоимость субстанции человеческого капитала никогда не реализуется фактически, она возникает лишь потенциально в качестве оценки денежных выплат при страховании жизни. Однако, во-первых, эта страховая сумма не выплачивается самому владельцу человеческого капитала при его жизни. Её получают родственники или близкие в случае его смерти. Таким образом, она никогда не выступает в качестве стоимостного эквивалента функционирующего человеческого капитала. Во-вторых, в силу исключительной качественной разнородности, специфики физического человеческого капитала страхование – это всегда индивидуальный процесс, здесь не существует единой оценки человеческой жизни. Наконец, в-третьих, страхование жизни может дать потенциальную оценку стоимости лишь одной компоненты человеческих капитальных активов – той, которая имеет какое-либо материальное воплощение – в существе его носителя либо возможном ущербе от его кончины для близких. При этом за рамками оценочной деятельности остаются многообразные нематериальные – моральные, духовные и, зачастую, интеллектуальные – качества человека. В целом совокупный капитал человека как личности не только не реализуется фактически в сделках купли-продажи, но даже не получает никакой потенциальной пожизненной интегральной оценки. Итак, ценность человеческого капитала оказывается неизмеримой в терминах меновой стоимости.

Стоимостная характеристика человеческого капитала не может быть определена даже на основе всей структуры стоимостных пропорций в экономике в целом. Рыночная оценка интегральной стоимости человеческих активов не является ценностью для самого индивидуума. Тем более, целью жизнедеятельности человека не может служить максимизация меновой стоимости своей собственной личности для последующей реализации в ходе товарно-денежных отношений.

Выше отмечалась спорность неоклассического подхода к оценке стоимости человеческого капитала как дисконтированной разности связанных с ним инвестиций и доходности. В то же время было бы неправомерным прямо переносить на человеческие капитальные активы стандартное определение капитала как самовозрастающей стоимости в силу целого комплекса фундаментальных теоретических и методологических проблем, связанных с определением и реализацией его меновой стоимости. Человеческий капитал – это фундаментальный источник отрицательных и положительных внешних эффектов. Внешние эффекты, или экстерналии, – это блага или действия экономических агентов, не получающие рыночную оценку и не имеющие стоимостного выражения. В частности, внешняя производительность или доходы экономического агента возникают благодаря деятельности других; внешние затраты – это дополнительные расходы, которые несет один экономический агент по вине другого. Эти выгоды и издержки не учитываются в действующем рыночном механизме ценообразования, опосредующем отношения, возникающие между участниками хозяйственного процесса по поводу производства, распределения, обмена и потребления продуктов и ресурсов. Они представляют собой феномен, кото-

рый, хотя и не вписывается в стандартную рыночную систему, существует вне её, не отражается в ценах, тем не менее, затрагивает интересы третьих лиц, не участвующих в рыночной сделке, нанося им ущерб в случае отрицательного внешнего эффекта или принося выгоду при положительной экстерналии.

Поскольку стоимость связана с общественно необходимыми затратами, накладываемыми на общество в связи с производством тех или иных благ, постольку стоимость создания и воспроизводства человеческой жизни имеет неполный характер. Человеку неподвластно своё собственное рождение, жизнь дается индивидууму родителями как внешний эффект. При этом остается открытым вопрос о происхождении самой жизни. Ведь если взглянуть на вопрос в более широком аспекте, то само возникновение новой жизни, создание человеческой личности воплощает собой синергию – нечто, не сводимое только лишь к биологическим процессам зарождения и развития организма. По словам величайшего мыслителя XX столетия В.И. Вернадского, “мы здесь имеем дело с качественно новым явлением”¹⁹.

Далее, существование ребенка теснейшим образом взаимосвязано с жизнедеятельностью родителей и даже невозможно в отрыве от семьи или тех взрослых, которые её заменяют. Индивидуальные способности, отличительные качества даются человеку не только и даже не столько изначально по воле природы, от рождения, сколько создаются обществом в процессе воспитания и образования²⁰. В этом смысле они так же во многом представляют собой внешние эффекты. Г. Клэй справедливо указывает на то, что “качество рабочей силы зависит в значительной мере от социального окружения и родителей работника”²¹. Ф. Найт разделяет это мнение. Он пишет: «Человеческие способности, как и “собственность” (точнее, собственность иного рода), являются либо унаследованными, либо созданными путем вынужденных действий, которые суть инвестиции»²². В связи с этим применительно к воспроизводству человеческого капитала автор выделяет два основополагающих института: семью, как важнейший наследственный канал, и государство, как главный агент социального принуждения.

В трансформирующихся и в развитых экономиках воспроизводство человеческого капитала не полностью подчиняется рыночным регуляторам. Одним из главных субъектов этих процессов является государство, осуществляющее вложения колоссальных ресурсов, сил и средств в создание и развитие национального человеческого капитала. При этом государство во многом восполняет провалы рынка, его неспособность полностью обеспечить воспроизводство человеческого капитала. Семья также является институтом, играющим важнейшую роль в создании человеческого капитала. Как правило, рыночные отношения выводятся за её рамки и не играют здесь существенной роли в подготовке человеческого капитала. И государство, и находящийся в процессе постоянной эволюции социально-экономический институт семьи представляют

¹⁹ Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М., 1989, с. 159.

²⁰ Mitchell W. Human Behavior and Economics: a Survey of Recent Literature. — “Quarterly Journal of Economics”, 1914, No. 1, pp. 14–16.

²¹ The Worker in Modern Economic Society, p. 215.

²² Knight F. The Ethics of Competition and Other Essays. N.Y., 1935, p. 314.

собой в
ставляю

Мног
человеч
кации я
воле и
ной куль
уже зал
ние к э
числе ст
их судь

Итак
столько
ствие не
традици
натура
венной
нальная
синергети

Челов
единство
людьми,
ческие,
“Теории
ценном
основы
значение
левского
тем, сам
“постепен
образова
труда и
сийский
бытым, в

К. Эрр
ществен
ки”, умень
ального-э
этика вед
мерчески

²³ Ку

настояще

²⁴ С м

²⁵ Я н

ва. М., 191

²⁶ А г

²⁷ С е

собой в большей или меньшей степени внешние факторы по отношению к составляющим их индивидуумам.

Многие авторы справедливо отмечают основополагающую роль языка в человеческой жизнедеятельности. Язык как институт человеческой коммуникации является внешним, по отношению к индивидууму, не подвластным его воле и сознанию феноменом. При этом язык выступает как часть национальной культуры. Индивидуальные особенности человеческой личности во многом уже заложены в культурной самобытности нации. Непосредственное отношение к этому имеет специфика национальных экономических систем, в том числе структурные особенности организационного строения и взаимодействия их субъектов между собой в хозяйственной практике²³.

Итак, формирование человеческой личности – это не только и даже не столько биологические, сколько социальные процессы. В них принимают участие не только родители, семья, но и весь социум, опираясь на присущие ему традиции, ценности, культуру. Человек – это “социокультурное существо”, натура которого в значительной мере определяется взрастившей его общественной средой. И с точки зрения отдельной человеческой личности, национальная культура, традиции, обычаи и язык несут в себе фундаментальные синергетические и общественные эффекты.

Человеческая жизнедеятельность всегда представляет непосредственное единство деятельности для себя и для общества. На протяжении всей жизни людьми, помимо чисто экономических мотивов, движут колоссальные эстетические, этические, моральные, нравственные и иные побуждения. А. Смит в “Теории нравственных чувств” говорит о законе справедливости как о священном праве и обязанности человеческого общежития, которое закладывает основы его социально-экономической организации²⁴. В работе “Экономическое значение честности” И. Янжул, опираясь на поддержку своих коллег М. Ковалевского и А. Чупрова, приходит к выводу, что “тот народ, который честен, тем самым силен не только нравственно, но и экономически”. Показывая, как “постепенно в науку, прежде материальную, внедряется духовный фактор, и образование вместе с нравственностью начинает играть в производительности труда и экономике не меньшую роль, чем труд и капитал”, этот видный российский экономист называет этику и моральные качества человека “долго забытым, но тем не менее существенным фактором в народном хозяйстве”²⁵.

К. Эрроу указывает на первостепенное значение “этических кодов” в общественной жизнедеятельности²⁶, которые играют роль своеобразной “смазки”, уменьшая трансакционные издержки, создающие “трение” в работе социального-экономических механизмов²⁷. Как справедливо отмечает К. Эрроу, этика ведения бизнеса всегда лежит в основе взаимоотношений между коммерческими партнерами, ведь невозможно составить абсолютно детализиро-

²³ Кульков В.М. Национальный контекст экономической теории: прошлое и настоящее. – “Вестник МГУ”. Серия 6, “Экономика”, 2004, № 3, с. 47–57.

²⁴ Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997, с. 94–106.

²⁵ Янжул И. Экономическое значение честности: забытый фактор производства. М., 1912, с. 4, 25.

²⁶ Arrow K. Collected Papers. Cambridge (Mass.). 1983–1985. Vol. 4, pp. 150–151.

²⁷ Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002.

ванный контракт, который предусматривал бы любой возможный вариант развития событий. Этому существует масса объективных причин. Например, личное доверие между сторонами является необходимым условием успеха сделки хотя бы потому, что кто-то из контрагентов первым должен предъявить и передать товар либо деньги. Договор всегда в той или иной степени будет неполным, а контрактный процесс по ряду элементов – “отношенческим”.

По мнению М. Вебера, “представление о профессиональном долге, об обязательствах, которые каждый человек должен ощущать и ощущает по отношению к своей “профессиональной” деятельности, в чем бы она ни заключалась и независимо от того, воспринимается ли она индивидом как использование его рабочей силы или его имущества (в качестве “капитала”), характерно для “социальной этики” капиталистической культуры, а в известном смысле имеет для неё и основополагающее значение”. С точки зрения автора, преданность делу, служение своему призванию, определённый вид поведения и представлений, жизненный уклад, социальное мироощущение и в целом образ жизни современного западного общества построены на постулатах протестантской этики. Он считает, что “один из конституционных компонентов современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры, – рациональное жизненное поведение на основе идеи профессионального призвания – возник ... из духа христианской аскезы”²⁸.

В связи с рассматриваемым вопросом Ф. Найт высказывает важную мысль, что экономика и этика находятся в близких отношениях друг с другом, поскольку и та, и другая связаны с проблемой ценности. В работах “Этика и экономическая интерпретация” и “Этика конкуренции” автор показывает, что проблема взаимодействия между этикой и экономикой находится в тесной связи с соотношением между индивидуальной возможностью и общественной необходимостью, индивидуальными и коллективными ценностями, частной и социально значимой стоимостью, эффективностью и социальной справедливостью, наконец, между равенством и свободой. С точки зрения Ф. Найта, “общественные стандарты определённым образом взаимосвязаны с тем, что представляет собой ценность для индивидуумов, составляющих общество, но не идентичны им; они предполагают процесс организации разнообразных индивидуальных интересов, соподчинения их по отношению друг к другу и устранения противоречий между ними”²⁹.

Таким образом, поскольку экономика – это объективно обусловленная структурированная совокупность производственных отношений экономических агентов, существенная роль неэкономических факторов сказывается на функционировании всей хозяйственной системы в целом. Основополагающие факторы человеческой жизнедеятельности находятся вне власти отдельной личности и создают принципиальные препятствия для всеобъемлющего включения её активов в систему стоимостных отношений. Не располагая всецело своей жизнью, человек в принципе не может полностью оценивать и планировать все связанные с ней издержки и выгоды. Следствием являются многочисленные положительные и отрицательные внешние эффекты, не укладываемыеся

²⁸ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990, с. 76, 77–95, 205.

²⁹ Knight F. Op. cit., pp. 19, 42.

в рамки ценового механизма во взаимных условиях его функционирования.

Если категория ценности является содержанием социального процесса, то её содержание. По мнению автора, основным трактовкам ценности в жизни, связанной с человеческим бытием, являются ценности. Но и как и её стоимостное содержание. Но воссоздать её в реальной жизни даёт

Как справедливо относительно, и можно конкретизировать дей, для которых общества в целом имеет более потенциал. Ужесточится потенциал прогресса.

Итак, ценность – это ценность отдачи. Она – ценность личности во взаимодействии с другими людьми на социальной оболочке. Она определяет индивидуальную жизнь. Именно общественные и социальные нормы И. Фишера –

Свобода личности – это неживой, а в растительной мире уже говорилось. А. Селигмен, “она есть социальная категория, который становится углублённой, выдающейся, её стоимость обеспеч

³⁰ Ibid., p. 24.

³¹ Селигмен

в рамки ценового механизма, источником которых является человеческое общество во взаимодействии с природной средой как совокупностью объективных условий его жизнедеятельности.

Если категория стоимости отражает затратную сторону воспроизводственного процесса, то понятие ценности несет в себе результативно-созидательное содержание. Поиск рациональных альтернатив метафизическим и трансцендентным трактовкам ценности индивидуума нетривиален. Ценность человеческой жизни, связанная с концептуальными проблемами конечного смысла и целей человеческого бытия, венчает собой иерархию индивидуальных и социальных ценностей. Но ценность индивидуальной жизни для самого человека, так же, как и её стоимость, имеет ограниченный характер: он может её лишь сохранить, но воссоздать её он может, лишь создав новую – в своих детях. Своя собственная жизнь дается человеку в виде относительно внешнего эффекта.

Как справедливо пишут Л. Дублин и А. Лотка, “понятие ценности всегда относительно, и для того, чтобы вложить в него определённый смысл, необходимо конкретизировать не только саму оцениваемую личность, но и тех людей, для которых именно данный индивидуум имеет ценность”. С точки зрения общества в целом, ценность жизни в смысле её создания и воспроизводства имеет более полное значение, чем для отдельного индивидуума. Но воссоздается опять уже другая жизнь. Но именно в создании новых жизней заключается потенциал развития общества, и это составляет смысл экономического прогресса.

Итак, ценность человеческой жизни и личности не является внутренней ценностью отдельного индивидуума. Во многом она является внешней для него. Она – ценность всей человеческой цивилизации. Ценность человеческой жизни и личности возникает из всей совокупности производственных отношений между людьми на грани между человеческим обществом и охватывающей его природной оболочкой. С одной стороны, она задает некую миссию, а с другой – сама определяется местом и ролью человечества в окружающей его Вселенной. Именно общественная человеческая жизнедеятельность в единстве её затратных и созидательных аспектов образует “всеобъемлющую” – в терминологии И. Фишера – ценностно-стоимостную картину экономической действительности.

Свобода личности имеет своей основой феномен активности целенаправленной человеческой деятельности, в противоположность устоявшемуся видению неживой, а в значительной степени и живой, но не разумной, не сознательной – растительной и животной – материи как явлений реактивной природы. Но, как уже говорилось выше, “свобода суть социальная ценность”³⁰. Как подчеркивает А. Селигмен, “свобода другого не есть онтологическое условие существования; она есть социально детерминированный и структурированный аспект личности, который становится (в современных социальных формациях, характеризующихся углублением разделения труда и системной дифференциации) наиболее выдающейся, если не единственной значимой, чертой личности”³¹. Свобода имеет свою цену. Обратной её стороной является сила, как объективная необходимость обеспечения свободы. Ф. Найт пишет: “Эффективная свобода требует

³⁰ Ibid., p. 248.

³¹ Селигмен А. Ук. соч., с. 67–68.

адекватных средств для своей реализации". Более того, автор подчеркивает, что "как наивысшие идеалы общества, так и его законы, и институты предполагают необходимость принуждения к свободе"³².

Но свобода личности является неполной без гарантий её безопасности, в отрыве от средств обеспечения её прав, в отсутствие ресурсов, необходимых для существования человека. Отражением этого становятся многообразные формы личной, вещной и социальной зависимости. Неделимая целостность и свобода личности социально обусловлены. Отсюда неизбежно вытекает не только лимитированный характер личной автономии индивида, но и объективная необходимость публичных ограничений в контрактных отношениях. Как справедливо пишет Э. Дюркгейм, "человек существует в окружении и представляет собой часть природной и социальной среды, поэтому автономия личности может быть лишь относительной"³³. Определяющая роль здесь принадлежит материальным, производственным отношениям. Важнейшим фактором, объективно ограничивающим индивидуальную свободу, является становление и развитие крупномасштабной хозяйственной организации³⁴. Кроме того, так же, как и индивидуальная независимость, "полная национальная автономия, опирающаяся на достаточную степень контроля над доступными ресурсами, оказывается несовместимой с поддержанием жизнедеятельности современной цивилизации". Однако объективные закономерности функционирования капиталистического способа производства обуславливают и противоположную тенденцию. Как справедливо подчеркивает М. Вебер, для рациональной организации хозяйственных процессов "точная калькуляция – основа всех последующих операций – возможна лишь при использовании свободного труда"³⁵.

Несмотря на то что в краткосрочном плане рабовладельческие отношения могут удовлетворять интересам правящих слоев населения, в долгосрочном плане потери общества в целом, в том числе и эксплуатируемых – рабов, и эксплуататоров – рабовладельцев, оказываются неизмеримо выше сиюминутных выгод последних. Реализация меновой стоимости отдельного человека не только подрывает условия функционирования данного индивидуума, а также ущемляет интересы других экономических субъектов, но и порождает такие колоссальные отрицательные внешние эффекты, которые ставят под угрозу весь ход общественного воспроизводства. При этом могут быть не только разрушены основы государственности, гарантирующей здоровье и жизнь граждан, но и подорваны сами этические, моральные, нравственные устои общества, которые обеспечивают его жизнедеятельность и являются необходимыми условиями его расширенного воспроизводства. Примером может служить Гражданская война 1861–1865 гг. в США, имевшая фундаментальное значение для прекращения использования рабского труда в капиталистическом производстве.

³² "Никому не дозволено продавать свою свободу, себя или своих детей в рабство, даже если предполагаемые выгоды от этого перевешивают, с субъективной точки зрения, ценность свободы", – пишет Ф. Найт (Knight F., Merriam T. Op. cit., p. 80).

³³ Durkheim E. On Politics and the State. Ed. by A. Giddens. Cambridge, 1986, p. 197.

³⁴ Knight F., Merriam T. Op. cit., p. 73, 80.

³⁵ Вебер М. Ук. соч., с. 52–53.

Зако
ношении
тальное
ниями, к
практиче
ства как
тинской
ях в Цен
ма приве
Окончате
1888 г. в
мена раб
колоссал
для наци
цифика
ченный х
лой совок
численны
Индив
вовлечён
структуру
культурн
ного чел
форме об
капитала,
представл
ния. Но, п
одной из с
жизнедеят
производс
Инвари
ловеческая
ном, страт
лом не мож
шет: «Ни с
ными кате
ской пользы
в конститу
формулиро
ституция Р

³⁶ По это
ски придаю
приорную це
lin L. Healt
don, 1928, p.
³⁷ Knig

Законодательная ликвидация совокупности капитальных правомочий в отношении человеческой личности исторически представляла собой фундаментальное завоевание человечества, связанное с такими эпохальными потрясениями, как отмена рабства в США и крепостного права в России, которые практически совпали по времени. К этому же времени состоялась отмена рабства как итог национально-освободительной борьбы в большинстве стран Латинской Америки, а также в английских, французских и голландских колониях в Центральной и Южной Америке. В 1850-х годах движение аболиционизма привело к запрету и фактическому прекращению ввоза рабов в Бразилию. Окончательно рабство в этой стране было ликвидировано «золотым законом» 1888 г. вместе с монархией при установлении республики в конце 1880-х. Отмена рабства подтолкнула государства к экономическому рывку вперед, дало колоссальный выигрыш, положительный синергетический внешний эффект для национальных хозяйственных систем. Это один из примеров того, что специфика воспроизводства человеческого капитала, обуславливающая ограниченный характер правомочий, в частности, отсутствие де-юре и де-факто целой совокупности капитальных прав собственности, является источником бесчисленных внешних эффектов, в том числе на макроэкономическом уровне.

Индивидуумы – носители частного человеческого капитала оказываются вовлечёнными в исключительно сложную, многогранную и многоуровневую структуру производственных отношений, систему социально-экономических и культурных взаимосвязей в рамках функционирования системы общественного человеческого капитала. Вычленение и тем более реализация в денежной форме обособленной микроэкономической меновой стоимости человеческого капитала, вне контекста всей системы общественного воспроизводства не представляется возможным ни с практической, ни с теоретической точки зрения. Но, поскольку ценность человеческой личности и самой жизни является одной из основополагающих для современной цивилизации, лежит в основе её жизнедеятельности³⁶, она не может быть выведена даже из всей совокупности производственных отношений в масштабе общества в целом.

Инвариантно по отношению к господствующему способу производства человеческая личность бесценна, значит, и человеческий капитал в долгосрочном, стратегическом плане с учетом интересов социума и цивилизации в целом не может иметь меновой стоимости и цены. По этому поводу Ф. Найт пишет: «Ни свобода, ни взаимность не являются в чистом виде инструментальными категориями с точки зрения максимизации индивидуальной экономической пользы. Они, скорее, представляют собой точки отсчёта... Личная свобода в конституции любого либерального государства в более или менее отчетливых формулировках выступает как «неотчуждаемое право»³⁷. В частности, Конституция Российской Федерации предусматривает, что «основные права и сво-

³⁶ По этому поводу Л.И. Дублин справедливо пишет: «Жизнь и здоровье фактически придают ценность всему остальному. Жизнь и здоровье представляют собой априорную ценность. Их сохранение не требует дополнительного оправдания. (Dublin L. Health and Wealth: a Survey of the Economics of World Health. New York, London, 1928, p. 1).

³⁷ Knight F. Op. cit., p. 287.

боды человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения"³⁸. В Конституции США непосредственно не упоминаются фундаментальные права и свободы граждан. Но Билль о правах – а именно 4-я и 5-я поправки к Конституции США – защищает право индивидуума на жизнь, свободу и неприкосновенность личности³⁹. А в решениях Верховного суда США устанавливается конституционность права личности на частную жизнь, т.е. "совокупности прав, призванных обеспечить свободу личности, существующей в общественной среде"⁴⁰. Английское право, в котором отсутствует признание единого права на частную жизнь, тем не менее, запрещает посягательства на данную фундаментальную совокупность правомочий личности.

Поскольку человеческая жизнедеятельность протекает в определённом социальном контексте, неприкосновенность личности имеет своё логическое завершение в суверенитете нации, членом которой она является. Поскольку каждый человек "привязан" к своей планете, неволен покинуть её иначе, как лишившись жизни, Т. Оноре справедливо выделяет своеобразное "архиправо" – право человечества как глобального сообщества на сохранение жизни на Земле во всем её многообразии.

Анализируя содержание, структуру и особенности реализации конституционного права на жизнь, Г. Романовский приходит к логичному выводу, что "предназначение данного права подчеркивает значение человеческой жизни как единственного исключительного блага, на защиту которого должна быть направлена деятельность всего государства"⁴¹. Это подчеркивается и в Конституции Российской Федерации: "Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека – обязанность государства"⁴². В связи с этим расширение роли государства в процессе создания и использования квалифицированной рабочей силы является логичным и оправданным, поскольку оно приводит в действие фундаментальные процессы, имеющие "надрыночную" природу, которые не позволяют частнокапиталистической экономике "посягнуть" на собственные устои – фак-

³⁸ В частности, гражданам России конституционно гарантируются, помимо личной, свобода совести и вероисповедания, мысли и слова, труда и творчества, информации, передвижения и выбора места жительства; а также общепризнанные права: на жизнь, неприкосновенность личности, частной жизни и жилища, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, выбор национальной принадлежности и языка общения, собрания и объединения, образование, отдых, охрану здоровья и благоприятную окружающую среду (Конституция Российской Федерации. М., 2000, с. 22–27). Т. Оноре показывает, что необходимым условием для существования социальных прав и свобод является наличие "контрсоциальных" прав, в частности, на отказ от членства в обществе – эмиграцию, изоляцию, даже суицид; на самооборону и неповиновение насилию; на индивидуальное и национальное самоопределение (Hoppe T. Op. cit.).

³⁹ При этом в 9-й поправке оговаривается, что "перечисление в Конституции определенных прав не должно толковаться как отрицание или умаление других прав, сохраняемых за народом" (См.: Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты. М., 1993, с. 41–42).

⁴⁰ Николайчик В.М. Информационный надзор – вторжение в "прайвеси". – "США – ЭПИ", 1994, № 1, с. 57–58. По Т. Оноре, в юридическом смысле отсутствует "право собственности" на частную жизнь (Hoppe T. Op. cit., p. 180).

⁴¹ Романовский Г.Б. Право на жизнь. Архангельск, 2002, с. 62.

⁴² Конституция Российской Федерации, с. 18.

торы расши
лотно спра
стороны общ
мическую
ке. Более т
тутов, аде
сущему вос

В работ
Ф. Энгельс
общества"
чальной, ст
ядра прав
диаметрал
"свободно
ной эконом
даже в бол
ствует абс
как социал
но-денежн
мочий про

Несовер
тал сущес
венности. В
собственн
сущие эм
отношения
ческом см
ческом пл
ношениям

Итак,
проблемат
морально-
сти не явл
ная стоим
ся на ден
как неявн
ся элемент
цией, посл
гда не мн
номическ
единстве

⁴³ See
Human Sav

⁴⁴ Mar

⁴⁵ Ша

торы расширенного воспроизводства человеческого капитала. Поэтому абсолютно справедливым является призыв Т. Шульца к адекватной реакции со стороны общественных институтов на особую роль и фундаментальную экономическую ценность человеческого капитала в современной развитой экономике. Более того, актуальным становится создание принципиально новых институтов, адекватных новому качеству социально-экономических отношений, присущему воспроизводственным процессам в сфере человеческого капитала⁴³.

В работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Ф. Энгельс показывает, что индивидуальная семья как "хозяйственная ячейка общества" возникла в результате "победы частной собственности над первоначальной, стихийно сложившейся общей собственностью"⁴⁴. Неотчуждаемость ядра правомочий человеческого капитала также во многом представляет собой диаметрально противоположность системы общей собственности, или "свободного доступа", в том виде, в каком она описывается в институциональной экономической теории⁴⁵. Поэтому, с одной стороны, человеческий капитал даже в большей степени, чем взаимосвязанный с ним институт семьи, способствует абсолютизации частной собственности. С другой — он функционирует как социальное явление, и в этом смысле невозможность реализации в товарно-денежных отношениях фундаментальных частнособственнических правомочий противоречит её духу и подрывает её основы.

Несовершенная спецификация прав собственности на человеческий капитал существует именно в традиционном контексте отношений частной собственности. Но человеческая жизнедеятельность сама формирует отношения собственности. Ключевые, нерасторжимые с индивидуумом, имманентно присущие ему права и свободы лежат в основе системы социально-экономических отношений. Они сами не являются правомочиями в строгом, частнособственническом смысле. Суверенитет человеческой личности в долгосрочном, стратегическом плане инвариантен по отношению к юридическим, надстроечным отношениям, и во многом выступает в качестве определяющего их базиса.

Итак, оценка гуманистической капитальной стоимости затруднительна, проблематична как с теоретико-методологической, так и с практической, и с морально-этической точек зрения. Физические и умственные потенции личности не являются капиталом, как таковым, в полной мере. Поскольку капитальная стоимость личности в явном виде никогда не реализуется, не обменивается на денежный эквивалент, человеческие активы функционируют во многом как неявный капитал, проявляясь в качестве рабочей силы. В этом наблюдается элемент тождества между капиталом-собственностью и капиталом-функцией, поскольку применительно к человеческой личности эти категории никогда не могут быть в полной мере разделены и в конечном счёте получают экономическую реализацию одновременно и в непосредственном, тождественном единстве.

⁴³ Schultz T. Op. cit., pp. 247–262; Schultz T. Restoring Economic Equilibrium: Human Capital in the Modernizing Economy. Cambridge, Oxford, 1990, p. 162.

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Ук. соч., т. 21, с. 68–78.

⁴⁵ Шаститко А.Е. Ук. соч., с. 290–302.

Категория капитала вообще подразумевает нацеленность на развитие. В микроэкономическом плане – это создание прибавочной стоимости как источника для дальнейшего самовозрастания капитальной стоимости. Отражением этого служит инвестирование прибыли с целью поддержания и увеличения доходов предприятия в будущем. В мезоэкономическом плане отражением потенциала капитала к непрерывному росту становится прогресс технологий, промышленности, структурные сдвиги, создание новых отраслей и секторов экономики. В макроэкономическом аспекте расширенное воспроизводство общественного капитала подразумевает увеличение ВВП и создание национального дохода. На метауровне национальный капитал формирует государственные интересы и подталкивает правительства к их защите и расширению сфер влияния. На современном этапе социально-экономического и технологического развития посредством создания межгосударственных коалиций капитал уже не только выходит за национальные рамки, но переступает пространственные границы планеты и, даже оставаясь в её материальных пределах, расширяет их, создает новую среду обитания человечества в информационном обществе – ноосферу.

Каждый человек нацелен на развитие и самосовершенствование. В частности, решая какую-либо научную проблему, человек неизбежно сталкивается с новыми – что стимулирует дальнейший творческий поиск. Человеческий капитал по своей природе постоянно находится в диалектическом процессе накопления, развития и самосовершенствования. Нельзя игнорировать непрерывное диалектическое движение, постоянную нацеленность на развитие как феномен, имманентно присущий человеческому капиталу, который при этом также играет роль генератора прогресса всей экономической системы в целом. Социально-экономические отношения по поводу воспроизводства человеческого капитала не вписываются целиком в существующие системы прав собственности. Это оказывает многообразное прямое и косвенное воздействие на систему общественного воспроизводства в целом, что за счёт эффектов “обратной связи” откликается и на своём источнике – человеческом капитале.

Таким образом, внутренние активы человека можно расценивать в качестве капитала – как потенциал индивидуального самосовершенствования и социального развития. В результате функционирования человеческого капитала формируются темпы экономического прогресса, который объективно обуславливает их повышение либо уменьшение за счёт многообразных положительных и отрицательных экстерналий, имеющих своей основой жизнедеятельность личности и общества. Человеческий капитал – это такой фактор системы производственных отношений, носителем которого является как каждый индивидуум в отдельности, так и все общество в целом. Он является генератором развития личности и социального прогресса.

Все про
зации: в ре
что любое с
другом мест
ции и эконо
проводимых
тарной поли
гается, что е
XX и нача
стран часто
отдельное го
ными. Макро
комплексного
мероприятия
ставки, напри
всем мире. Та
ет традицион
воздействие в
Обычно п
ду государств
зации внешне
личению меж
формации и т
Оценка, к
однозначна. В
народного раз
пространение
держек и цен
занятости и в
ни. Даже анти
протекциониз
стран мира) у
ся к двум гру